

Свое или чужое? Создание тела В ИММУНОЛОГИИ

ДЕНИС СИВКОВ

Доцент, кафедра теоретической социологии и эпистемологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com.

Ключевые слова: тело; иммунология; иммунитет; иммунная система; гетерогенность; конструкция; множественная реальность; исследования науки и технологий; Донна Харауэй; Эмили Мартин.

Статья посвящена проблеме конструирования тела в иммунологии. В частности, подробно анализируется прерывистая и запутанная биополитическая генеалогия иммунитета, понимание которого осциллирует между социальными и биологическими дискурсами. Кроме того, рассматриваются контroversы различных моделей иммунной системы. При этом акцент делается на социальных исследованиях иммунологии, проведенных Донной Харауэй и Эмили Мартин. В этих исследованиях тело — иммунная система понимается как множественная гетерогенная конструкция, состоящая из компонентов, принадлежащих различным онтологическим порядкам. Конструирование иммунной системы не прекращается в лаборатории и клинике, а продолжается в других местах другими средствами. В то же время отношения тела и иммунной системы являются ситуативными: иммунная система то полностью отождествляется с телом, то служит его частью.

Этнография иммунных систем Эмили Мартин и феминистская антропология Донны Харауэй позволяют понять, что, с одной стороны, иммунная система в объяснениях ученых и неученых сопоставляется и совпадает с телом и даже личностью (*self*) и к ней, соответственно, применимы масштаб, понятия, законы и метафоры социального мира повседневности. Иммунная система и иммунитет оцениваются в терминах физиологического тела и личности (*self*). С другой стороны, тело, как биологическое «свое» (*self*), оказывается оторванным от физиологического и социального тела, в некотором смысле оно «живет своей жизнью». Таким образом, наше тело представляет собой результат сложной работы координации различных тел: физиологического, отождествляемого с личностью, и тела иного масштаба — биологического «своего» (*self*), которое оказывается «чужим» (*non-self*) и не принадлежащим субъекту.

Введение

В ОДИН из декабрьских вечеров 1882 года произошло событие, которое полагают началом иммунологии — биомедицинской дисциплины, изучающей механизмы защиты организма от губительных для него внешних и внутренних воздействий. Семья русского физиолога Ильи Мечникова отправилась в цирк посмотреть на обезьян, а ученый решил взглянуть в микроскоп. Он пронзил личинку морской звезды шипом розы, а утром заметил в месте поражения высокую активность клеток, которые он назвал фагоцитами (др.-греч. «поедающие клетки»), а само явление — фагоцитозом. Таким образом, считается, что именно Мечников открыл биологический иммунитет и связал иммунитет с защитой организма.

По мнению французского социолога, исследователя науки Бруно Латура, наш взгляд на развитие и распространение науки грешит тремя заблуждениями, которые нам навязывает модель диффузии. Во-первых, считается, что вещи существуют без людей в природе, обладают собственной силой и самостоятельно действуют — например, если пожелают, открывают себя людям.

Факты, таким образом, обладают собственной *vis inertiae*. Кажется, что они движутся сами, люди им для этого не нужны. Что еще удивительней, кажется, что они и существовать смогли бы без людей¹.

Во-вторых, предполагается, что наука развивается не только без людей, но последовательно, линейно и кумулятивно от факта к факту: «мы попадаем в мир, где идея рождает идею, рождающую идею»². В-третьих, научные открытия и изобретения осу-

Статья подготовлена в ходе научно-исследовательской работы «Постгуманистические направления социологических исследований: проблемы и перспективы телотелесной гибридации» (2015 год, Центр социологических исследований РАНХиГС).

1. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: ЕУСПб, 2013. С. 217.
2. Там же. С. 218.

ществляются одиночками-демиургами наподобие Мечникова. Диффузная модель науки

...изображает изобретателей такими мощными, что у них должно быть достаточно сил, чтобы придать своим детищам нужное ускорение! ...великие жены и мужи науки превращаются в гениев мифологического масштаба. <...> Работают тысячи людей, сотни тысяч актеров вовлекаются в новый процесс, но лишь несколько удостоиваются чести называться моторами, движущими всю конструкцию³.

Одной из попыток преодолеть заблуждения диффузной модели науки, в которой Ньютон объявляется непосредственным предшественником Эйнштейна, будет проект описания неполной и противоречивой генеалогии иммунитета. У иммунитета и иммунологии много дат рождения и родителей. Например, «начало» иммунологии было отмечено сражениями за подлинную природу иммунитета между сторонником фагоцитоза и клеточной теории иммунитета Мечниковым, с одной стороны, и так называемыми гуморалистами, которых представлял Пауль Эрлих: они полагали, что иммунитет определяется биохимическими процессами⁴. Противоречие было снято в 1908 году, когда Эрлих и Мечников получили совместную премию за свои открытия в области физиологии и медицины «за труды по иммунитету». Противоречие между гуморальной и клеточной природой иммунитета было рационализировано наличием в организме разных уровней защиты.

Биополитическая генеалогия иммунитета

В действительности история (или, лучше сказать, «биополитическая генеалогия» в смысле запутанности, прерывистости и противоречивости) иммунитета берет свое начало намного раньше, в античном Риме. Термины римского права *immunis* и *immunitas* означали для лица или группы лиц возможность получить освобождение от налогов и повинностей, а также не участвовать в делах общины. Например, в этом контексте речь могла идти о специальных подразделениях легионеров, освобожденных (*immunis*)

3. Там же.

4. Tauber A. The Immune Self: Theory or Metaphor? Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 26–32.

от фортификационных работ и караульной службы⁵. В Средние века термины употреблялись применительно к христианской церкви, также освобожденной от уплаты налогов.

Таким образом, первоначально понятие иммунитета имело социально-политические коннотации и не связывалось со здоровьем человека. Такое использование слова является скорее исключением, чем правилом. В I веке нашей эры римский поэт Марк Анней Лукан в поэме «Фарсалия» использовал слово *immunes* для описания сопротивляемости змеиным укусам в одном из племен Северной Африки⁶. Одним из первых иммунитет с телом и здоровьем человека связал венецианский врач Джироламо Фракасторо. В своей книге «О заражении» он писал о том, что есть люди, устойчивые к заражению чумой⁷. Скорее всего, использование понятия иммунитета связано с теологической традицией употребления слова *immunis* в смысле божественного «избавления» от болезни.

Долгое время после Фракасторо «иммунитет» использовался исключительно в политическом и юридическом смыслах, и до сих пор в дипломатии и юриспруденции под иммунитетом понимается изъятие из-под юрисдикции. Хотя проблема заключается в том, что не всегда понятно, о каком смысле идет речь, когда понятие встречается в политических высказываниях. «*Our nation has been put a notice. We are not immune from attack*», — сказал Джордж Буш-мл., выступая перед Конгрессом и нацией после событий 11 сентября 2001 года⁸. К какой реальности отсылает здесь слово *immune* — к политической или биологической? Словарь какого языка следует использовать для понимания слов и высказываний об иммунитете множества других политиков? Биополитическая (гибридная биологическая и политическая) неопределенность иммунитета имеет ключевое значение в становлении иммунологии и в понимании тела в этой дисциплине.

Важную роль в инкорпорировании политического и юридического иммунитета в тело сыграл английский философ Томас Гоббс. В «Левиафане» он использует «иммунитет» наряду с такими по-

5. Welles C. B. The Immunitas of the Roman Legionaries in Egypt // The Journal of Roman Studies. 1938. № 28. P. 41–49; Roth J. The Logistics of Roman Army at War: 264 B.C. — A.D. 235. N.Y.: Brill Academic Publishers, 1999.

6. Silverstein A. A History of Immunology. 2nd ed. L.; N.Y.: Elsevier, 2009. P. 3.

7. Ibid. P. 4.

8. Cohen E. A Body Worth Defending: Immunity, Biopolitics, and the Apotheosis of the Modern Body. Durham; L.: Duke University Press, 2009. P. 31.

нятиями, как суверенитет, свобода и собственность⁹. Иммунитет здесь в большей степени связан с римской политико-юридической традицией. Например, Гоббс писал о жителях города Лука: «Человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству» (*Man has more liberty or immunity from the service of the Commonwealth*)¹⁰.

Что же означает, что Гоббс инкорпорировал в тело иммунитет? Гоббс говорит о теле, являющемся не биологическим, а, скорее, механическим объектом, в котором и по отношению к которому действуют определенные силы. При этом крайне важно, что английский философ связывает тело индивида с принципом самозащиты и с жизнью человека: «Из объектов права собственности наиболее дороги для человека его жизнь и члены его тела»¹¹. В этом смысле принцип *conservatio vitae* показывает, что тело — носитель жизни, оно находится у индивида в собственности, тело необходимо беречь и сохранять.

Согласно комментарию Эда Коэна, специалиста, исследовавшего биополитическую генеалогию иммунитета, у Гоббса задолго до Мечникова «самозащита уже появляется как фундаментальный принцип естественного права»¹². Самозащита предполагает идею собственности и владения своим телом, которая была продолжена Джоном Локком в «Двух трактатах о правлении»:

... каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности (self)*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав¹³.

Примечательно, что в дальнейшем именно понятие «своего» (*self*) станет ключевым для иммунологии и будет опосредованно заимствовано Фрэнком Бернетом у Локка.

Рассуждения Гоббса и Локка об индивидуальном теле породили одно важное напряжение, которое также определит развитие иммунологических представлений о теле в XX веке. Критиком индивидуализма «государства в государстве» выступил поборник онтологического холизма Бенедикт Спиноза:

9. Ibid. P. 57–71; *Esposito R.* BIOS: Biopolitics and Philosophy. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2008. P. 55–61.

10. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 149.

11. Там же. С. 234.

12. *Cohen E.* Op. cit. P. 55.

13. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 277.

Большинство тех, которые писали *об аффектах и образе жизни людей*, говорят как будто не о естественных вещах, следующих общим законам природы, но о вещах, лежащих за пределами природы. Мало того, они, по-видимому, представляют человека в природе как бы государством в государстве: они верят, что человек скорее нарушает порядок природы, чем ему следует, что он имеет абсолютную власть над своими действиями и определяется не иначе, как самим собою¹⁴.

Парадигмальный спор холизма и индивидуализма в иммунологии будет связан с вариантами отношений своего и чужого в базовом различении иммунологии. «Биополитическая генеалогия» иммунитета позволяет понять, что иммунитет и иммунная система не являются чистыми биологическими сущностями, в них подмешано что-то из того, что делают люди, из того, что называют политическим или социальным.

Кроме открытия Мечникова и совместной нобелевской премии с Эрлихом у иммунологии есть еще несколько важных дат рождения. Институализация иммунологии происходит только в 1930-е годы — открываются кафедры, разрабатываются курсы, в первую очередь для врачей, а затем для биологов¹⁵. Массово изучать иммунологию в университетах начинают в 1970-е годы. Другое ключевое понятие иммунологии — иммунная система — появляется не раньше 1960-х годов¹⁶. Его возникновение связано с влиянием кибернетики и экологического подхода на биомедицину. Системный характер иммунитета позволил связать множество разнородных компонентов организма и объяснить иммунный ответ срабатыванием множества взаимосвязанных переменных.

Соответственно, с начала 1960-х годов разрабатываются так называемые модели иммунной системы, которые в общем виде позволяют объяснить принцип функционирования защиты организма. Ключевой для иммунологии моделью является классическая модель различения «своего» (*self*) и «чужого» (*non-self*), автором которой является австралийский иммунолог Фрэнк Макфарлейн Бернет. Эксперименты с трансплантацией ткани, с отвержением чужих тканей позволили ему сделать вывод о том, что существует подобное разделение:

14. Спиноза Б. Этика // Соч.: В 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. I. С. 334.

15. Pradeu T. The Limits of the Self: Immunology and Biological Identity. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 18.

16. Moulin A.-M. Immune System: A Key Concept for the History of Immunology // History and Philosophy of the Life Sciences. 1989. Vol. 11. № 2. P. 221.

... пример трансплантации великолепно иллюстрирует тот факт, что организм опознает свою собственную индивидуальность (свое «свое») и отвергает все чуждое ему (свое «не-свое») ¹⁷.

Бернет заимствует термин «свое», «я» (*self*) в эпистемологии и психологии опосредованно, через книгу Герберта Уэллса, Джорджа Уэллса и Джулиана Хаксли «Наука жизни» ¹⁸.

Иммунное свое на фенотипическом уровне совпадает с организмом, телом и означает совокупность органов, клеток и тканей. На генетическом уровне свое означает специфический индивидуальный геном, который различает организм и окружающий мир. Считается, что две важные идеи Мечникова повлияли на концепцию различения своего и чужого:

... первая — установление связи между иммунитетом организма и полаганием идентичности; и вторая — утверждение того, что проникновение чужеродной субстанции в организм является одним из триггеров иммунного ответа ¹⁹.

В этом смысле не-свое у Бернета — это все генетически отличное от своего, что угрожает целостности организма, а свое — это то, что поддерживает целостность организма и защищает организм от не-своего.

Данная модель иммунной системы четко разделяет тело и внешний мир, однако, как отмечается, дистинкция «свое/не-свое» не объясняет или плохо объясняет так называемые аутоиммунные заболевания. Аутоиммунитет означает нарушения в работе иммунной системы: те или иные компоненты организма перестают восприниматься как «свое» и разрушают ткани и клетки организма. Аутоиммунитет становится предметом биомедицинской заботы в конце 1950-х годов, а количество аутоиммунных заболеваний с каждым годом растет ²⁰.

Итак, с одной стороны, концепция Бернета стала классической и чаще всего используется в популярных объяснениях работы иммунной системы; с другой стороны, все последующие иммуноло-

17. Pradeu T. Op. cit. P. 42.

18. Ibid. P. 42–43.

19. Ibid. P. 51–52.

20. Anderson W., Mackay I. *Intolerant Bodies: A Short History of Autoimmunity*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2014; Коэн Э. Мое свое как чужое: аутоиммунитет и иные парадоксы // Социология власти. 2014. № 4. С. 182–197; Сивков Д. Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна // Социология власти. 2014. № 4. С. 174–181.

гические теории, пытаясь объяснить феномен аутоиммунитета, критиковали модель различения своего и не-своего в контексте спора Гоббса и Спинозы о природе тела и индивида.

«Сетевая» модель иммунной системы, в которой предлагается решение проблемы аутоиммунных заболеваний, была предложена в конце 1970-х годов датским иммунологом Нильсом Эрне. Слово «сеть» (*network*) здесь обозначает внутреннюю комплексность иммунной системы, а не тотальную связь внутреннего и внешнего, как можно было бы подумать. Иммунная система, согласно Эрне, представляет собой «сеть, центрированную на себе», она не связана с внешним миром. Работа сети заключается в подготовке иммунного ответа до какого-либо внешнего воздействия. Иммунная система вырабатывает компоненты, участвующие в иммунном ответе, так сказать, с избытком. Томас Прадо разъясняет:

У нас в организме есть антитела, которые распознаются некоторыми ауто-антителами, которые, в свою очередь, распознаются другими ауто-ауто-антителами, и так до бесконечности. Отсюда следует взаимодействие между симуляциями и подавлениями, которые заставляют иммунную систему постоянно реагировать на свои собственные компоненты без провоцирования саморазрушения организма. Более того, с системной точки зрения иммунный ответ начинается не с распознавания инородных антигенов, но с реакции ауто-антител, генерируемых умножением их специфических антител. Иммунная система реагирует не на антигены окружающей среды, а на то, что Эрне называл «внутренним образом» этих антигенов, во-первых, потому, что антитела иммунной системы уже выражают все возможные антигены, как отражение в зеркале антигенной вселенной, и, во-вторых, потому, что системная иммунная реакция — это реакция на некоторые антитела организма, а не на сами антигены²¹.

Соответственно, постоянная реакция организма на себя называется нормальной аутореактивностью, а нарушения равновесия, избыточная аутореактивность в иммунной сети приводят к аутоиммунному расстройству. В этом смысле, не имея контакта с внешним миром, не ориентируясь на чужое, иммунитет организма оказывается не связанным с различением «свое-чужое», предложенным Фрэнком Бернетом. Нильс Эрне показал, что границы тела являются проблематичными. Следует заметить, что иммунологическая концепция сети Эрне через понятие аутопойесиса чи-

21. Pradeu T. Op. cit. P. 192.

лийских ученых биолога Умберто Матурана и иммунолога Франциско Варелы оказала влияние на немецкого социолога Никласа Лумана и его теорию общества. Варела и его последователи понимали организм как продукт своей собственной активности. У сторонников аутопойесиса, как и у Эрне, «нет различения между своим и не-своим, сделанного иммунной системой, потому что есть только свое»²².

Для Лумана общество существует без окружающего мира; окружающий мир является порождением социальной системы. В 1984 году, в год получения Нильсом Эрне Нобелевской премии, вышла книга «Социальные системы», в которой Луман, в частности, писал:

...функциональный контекст иммунной системы позволяет прежде всего объяснить функции противоречий в социальных системах... Именно поэтому можно говорить об иммунной системе и отнести учение о противоречиях к иммунологии, ибо и иммунные системы оперируют без познания, без знания окружающего мира, без анализа мешающих факторов лишь на основе чистой констатации инородности. Это и есть тот краткий путь, который всегда давал импульсы социологии²³.

Другая модель иммунной системы, отрицающая наличие четкой границы между своим и чужим, пришла из микробиологии. Если в сетевой модели не-свое, внешнее по отношению к организму, вообще не учитывается, то в симбиотической модели иммунной системы, построенной на основе идей американского микробиолога Линн Маргулис, различение своего и не-своего не имеет смысла, так как отношения организма и мира зачастую оказываются не враждебными, а комплементарными²⁴. Симбиоз представляет собой такое отношение двух организмов различных видов, при котором оба в своем существовании извлекают некоторую пользу из другого. Разновидностью симбиоза является комменсализм, когда один из организмов доверяет другому функцию соотношения с окружающей средой. Человеческий организм находится в симбиотическом отношении с большим числом бактерий. Например, в кишечнике иммунная система допускает существование дружественных бактерий и уничтожает опасные. Если нет

22. Ibid. P. 198.

23. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 484.

24. Маргелис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. М.: Мир, 1983.

подобного «дружественного» допуска, то могут возникать аутоиммунные заболевания кишечника, такие как, например, болезнь Крона²⁵.

Иммунная система не только позволяет симбиотическим бактериям присутствовать в организме; они могут играть важную роль в защите организма, вырабатывая антимикробные молекулы²⁶. В этом смысле человеческое тело является гетерогенным образованием, организм «состоит из разных сущностей разного происхождения, включая множество бактерий, которые часто играют решающую для выживания роль»²⁷. Таким образом, в симбиотической модели иммунной системы также проблематично различить свое и не-свое, поскольку здесь те, кто относится к потенциальным врагам (не-свое), могут оказаться друзьями (своим).

Итак, теоретическая иммунология не представляет собой единства, а предлагает различные модели функционирования иммунной системы. Основное напряжение здесь связано с тем, что классическая модель Бернета различения своего и не-своего конкурирует с сетевой моделью Нильса Эрне и симбиотической моделью микробиологии. Соответственно, кумулятивный характер иммунологии и преемственность между моделями оказываются проблемой.

К 1980-м годам популярность иммунологии существенно возрастает. Именно в это время начинается ее распространение из лаборатории, клиники и университета в школы, фабрики, офисы, дома и на улицы. Иммунологические термины становятся неотъемлемой частью повседневного языка. Иммунитет является фоном разговоров о болезнях, профилактике здоровья, вакцинации, диетах, детском питании, эпидемиях и т. п. Как замечает исследователь иммунологии американский антрополог Эмили Мартин, в конце XX века происходит «реинтерпретация здоровья в терминах иммунной системы»²⁸.

В 1990-е годы возникает интерес социальных наук к иммунологии. С одной стороны, философы, антропологи и социологи используют иммунологические метафоры для объяснения своих объектов исследования. С другой стороны, антропологи, социологи и философы науки пытаются понять, каким образом имму-

25. Pradeu T. Op. cit. P. 119–120.

26. Ibid. P. 121.

27. Ibid. P. 124.

28. Martin E. Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture from the Days of Polio to the Age of AIDS. Boston: Beacon Press, 1994. P. 185.

нология создает иммунные системы. Этот интерес, помимо прочего, обусловлен гибридным характером иммунитета, в котором исторически смешались биологические, социальные и политические компоненты. Биополитическая неопределенность иммунитета позволяет с некоторой вольностью использовать иммунологические метафоры. Проблема заключается в том, что при этом представители социальных наук что-то добавляют в иммунологические понятия, что-то срезают, а главное, перетаскивают из иммунологии, сами об этом не подозревая, багаж нерешенных проблем, например напряжение между моделями иммунной системы.

Отцом философской иммунологии считают Фридриха Ницше²⁹. Болезнь философа задала ему специфическую оптику восприятия реальности. Его мышление во многом было определено вопросом, который он сам себе задавал: «Что же выйдет из самой мысли, подпадающей гнету болезни?»³⁰ В этой связи Ницше нравилась метафора инокуляции:

... в больном и слабом месте обществу как бы прививается нечто новое; но его общая сила должна быть достаточно велика, чтобы воспринять в свою кровь это новое и ассимилировать его. <...> Народ, который в каком-либо отношении начинает разрушаться и слабеть, но в целом еще силен и здоров, способен воспринять в себя заразу нового и усвоить ее к своей выгоде³¹.

Кстати, отсюда, из инокуляции, следует знаменитое иммунологическое высказывание немецкого философа: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее»³². Принцип сохранения жизни, таким образом, понимается Ницше как способность порционно впустить что-то губительное для жизни ради усиления и сохранения этой же жизни. Иммунизация в этом смысле понимается немецким философом через открытость организма среде. Эта идея иммунной открытости будет очень важна в социальных исследовани-

29. Tauber A. A Typology of Nietzsche's Biology // *Biology and Philosophy*. 1994. № 9. P. 25–44; De Cauwer S. Robert Musil's Cultural Diagnostics in the Light of Nietzschean Immunology // *Neophilologus*. 2012. № 96. P. 411–425; Lemm V. Nietzsche, Einverleibung and the Politics of Immunity // *International Journal of Philosophical Studies*. 2013. Vol. 21. P. 3–19; Слотердайт П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: диалогические исследования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
30. Ницше Ф. Веселая наука // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 493.
31. Он же. Человеческое, слишком человеческое // Соч. Т. 1. С. 358–359.
32. Он же. Изречения и стрелы // Соч. Т. 2. С. 558.

ях иммунной системы, осуществленных в конце XX века Донной Харауэй.

Среди других известных авторов, использующих иммунные метафоры в своем творчестве, можно назвать французского философа Жака Деррида, который описывал после событий 11 сентября суицидальный характер культуры, используя понятие аутоиммунитета³³; немецкого философа Петера Слотердайка, в проекте «Сферы» выбравшего в качестве методологии «всеобщую иммунологию» (*Allgemeine Immunologie*) и, по сути, отождествлявшего сферу с иммунитетом³⁴; итальянского философа Роберто Эспозито, чьи работы посвящены биополитике — жизнь понимается и в иммунологическом Гоббсовом смысле, и в аутоиммунном биологическом смысле как то, что сохраняет себя от самой себя³⁵; английского антрополога Дэвида Напье, предлагающего иммунологию в качестве антропологической методологии — как дискурс, терпимо относящийся к чужому (*other*)³⁶. Предметом данной статьи будет второе направление — социальные исследования иммунологии, в которых показывается производство тела или тел в лаборатории, клинике, университетах и повседневных практиках.

Гетерогенность тела в феминистской антропологии Донны Харауэй

Во второй половине XIX века, во время наивысшего расцвета науки и технологии (если ориентироваться на их роль в обществе), ученые, инженеры и обыватели считали, что наука и технология делают жизнь человека только лучше, наука развивается постепенно, накапливая результаты и отбрасывая ненужное, а у ученых и инженеров есть рациональные инструменты получения

33. *Derrida J.* Autoimmunity: Real and Symbolic Suicide: A Dialogue with Jacques Derrida // Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jurgen Habermas and Jacques Derrida.* Chicago, L.: University of Chicago Press, 2004. P. 85–136.
34. *Слотердаик П.* Сферы. Микросферология. СПб.: Наука, 2005. Т. I: Пузыри; *Он же.* Сферы. Макросферология. СПб.: Наука, 2007. Т. II: Глобусы; *Он же.* Сферы. Плюральная сферология. СПб.: Наука, 2010. Т. III: Пена; *Esposito R.* BIOS: Biopolitics and Philosophy; *Esposito R., Campbell T.* Interview // *Diacritics.* 2006. № 2. P. 49–56; *Esposito R.* *Immunitas: The Protection and Negation of Life.* Cambridge: Polity, 2011.
35. *Idem.* BIOS: Biopolitics and Philosophy; *Esposito R., Campbell T.* Interview; *Esposito R.* *Immunitas: The Protection and Negation of Life.*
36. *Napier D.* *The Age of Immunology: Conceiving a Future of an Alienating World.* Chicago, L.: The University of Chicago Press, 2003.

и проверки результатов. Оптимизм позитивистской модели науки длился почти до 1960-х годов, когда после двух мировых войн, революций, Освенцима, ГУЛАГа и прочих катастроф глобального масштаба стало ясно, что наука и технология служат несколько иным целям. Атомная бомба, эпидемии, экологический и другие кризисы поставили под вопрос независимость науки и технологии от общества. Разные исследователи стали критиковать и/или корректировать позитивистскую модель науки.

В конце 1980-х годов сформировалось междисциплинарное направление — исследования науки и технологий (STS). Акцент в нем делается на том, что наука и технологии, во-первых, производятся людьми, а не природой. Во-вторых, «законы природы», «факты», «естественное положение вещей» зависят от разного рода акторов. Без сложного оборудования, без литературы, фондов и ресурсов «научные открытия» невозможны. Соответственно, научные факты и технические артефакты представляют собой социальные конструкции, созданные людьми из различных материалов с помощью сложного оборудования и технологий³⁷. Важно, что конструкции не могут быть произвольными, на них влияют разные факторы, включая сопротивление материалов. Данное направление выявляет контрверзы между группами и вещами в процессе их создания, делая акцент на множественной реальности, а также исследует работу по координации множества, стабилизации объекта, его нормализации, натурализации и рутинизации «естественных» объектов³⁸.

В STS прорабатываются три идеи относительно исследований тела и биомедицины. Во-первых, тело представляет собой конструкцию и создается посредством различных акторов; во-вторых, тело является гетерогенным образованием и состоит не только из биологических компонентов; в-третьих, следует говорить

37. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press, 1986.

38. Pinch T., Bijker W. *The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / W.E. Bijker et al. (eds)*. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 2012. P. 11–44; Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыбаков бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 49–94; Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017; Thompson Ch. *Making Parents. The Ontological Choreography of Reproductive Technologies*. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 2005.

о множестве тел, или о множественной реальности тела³⁹. Теоретические и эмпирические истоки идей конструирования, множественности и гетерогенности можно найти в изысканиях двух феминистских авторов — Донны Харауэй и Эмили Мартин.

В рамках исследования науки и технологии первой к иммунологии обращается Донна Харауэй (р. 1944) — исследователь в сфере *STS*, философ-феминист, профессор факультета феминистских исследований Университета Калифорнии. Донна воспитывалась в католической семье в Денвере, изучала биологию в Йельском университете. После университета занималась морской биологией, под влиянием книги Куна «Структура научных революций» заинтересовалась темой метафор в биологии. Ее первая крупная работа называлась «Кристаллы, фабрики и поля: метафоры органицизма в биологии развития»⁴⁰. Позже Харауэй заинтересовалась философской литературой и изучала Мартина Хайдеггера, Альфреда Уайтхеда, постструктуралистов и прагматистов. В 1974 году она начала работу в Университете Джона Хопкинса на факультете истории науки. Помимо прочего, она интересовалась приматологией и выпустила книгу «Видение приматов: гендер, раса и природа в мире современной науки»⁴¹. После этого у Харауэй выходят два очень важных текста для феминистских исследований и *STS*: «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 80-х годов» и «Ситуативные знания: научный вопрос в феминизме и преимущество ограниченной перспективы». В 1991 году эти работы вошли в программный сборник «Обезьяны, киборги и женщины: обновление природы»⁴² вместе с текстом под названием «Биополитика постмодерных тел: конституции „своего“ в дискурсе иммунной системы», в котором Харауэй попыталась понять, как именно создается и функционирует иммунная система в обществе.

Главной проблемой для Харауэй является проблема границы. В первую очередь граница связана с темой тела как носи-

39. *Латур Б.* Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки // *Метаморфозы телесности*: Сб. ст. / Под ред. И. В. Кузина. СПб.: РХГА, 2015. С. 250–287; *Hacking I.* Our Neo-Cartesian Bodies in Parts // *Critical Inquiry*. 2007. № 34. P. 78–105.

40. *Haraway D.* Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors of Organicism in Twentieth-Century Developmental Biology. L.; New Haven: Yale University Press, 1976.

41. *Idem.* Primate Vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science. L.; N.Y.: Routledge, 1989.

42. *Idem.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Routledge, 1991.

теля гендерной идентичности. Феминистский бэкграунд ставит под сомнение натуральный характер границы мужского. Границы создаются людьми, но не произвольно, а в столкновении с некоторой онтологической реальностью: «границы — результат взаимодействия и наименования»⁴³. При этом ошибка феминизма в том, что он хочет противопоставить мужской идентичности универсальную женскую идентичность с фиксированными границами. По Харауэй, все границы всех идентичностей находятся под вопросом. Американский философ идет дальше локальных проблем феминизма: она предложила проблематизировать границы между природой и культурой, между материальным и семиотическим, вымыслом и реальностью, между человеком и животным, человеком и машиной, между «своим» и «чужим» в иммунологии.

Проблематизация границ предполагает выявление их контингентного и ситуативного характера и, соответственно, отказ от сложившегося в культуре картографирования. Онтологическая неопределенность и невозможность четкой фиксации границ выражается с помощью понятия киборга. Это неоднозначное понятие: оно выражает научно-фантастическую утопию единства человека и машины, тела одновременно биологического и технического. В зависимости от традиции рассмотрения киборг трактуется по-разному. Негативный образ киборга в критической теории представляет собой подчинение человеческого тела машине. Киберпанковская мечта включает освобождение с помощью технологии от телесного ограничения и несвободы. Донна Харауэй с помощью киборга хочет показать нечто иное, а именно: «обозначение неопределенности в отношении пределов тела, поведения тела, компонентов тела»⁴⁴.

Харауэй определяет киборга, как:

кибернетический организм, помесь машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение вымысла⁴⁵.

43. *Idem*. How Like a Leaf: An Interview with Thyra Nichols Goodeve. N.Y., L.: Routledge, 2000. P. 25.

44. *Latour B.* Body, Cyborgs and Politics of Incarnation // *The Body (The Darwin College Lectures) / S. Sweeny, I. Hodder (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 128.

45. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х годов // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. М.: Росспэн, 2005. С. 323.

Киборг демонстрирует крушение трех видов границ: между человеческим и животным, между человеком и машиной, между физическим и нефизическим. Например, борьба за права животных не позволяет провести четкого разграничения между человеком и животным.

Неопределенность границ делает киборга гетерогенным, составным образованием:

Итак, мой миф о киборгах — это миф о нарушенных границах, сильнодействующих сплавах и опасных возможностях, которые прогрессивные люди могли бы исследовать как часть необходимой политической работы⁴⁶.

При этом в таких гибридах нет ни одного выделенного элемента, который подчинял бы себе все остальные. По Харауэй,

... политическая борьба означает взгляд под обоими углами зрения сразу, потому что каждый раскрывает как господства, так и возможности, непредставимые с другой точки зрения⁴⁷.

Возникает вопрос: как познавать тела-киборги как гетерогенные множества? Донна Харауэй следует древнему принципу «подобное познается подобным». Тотализирующая позиция — «взгляд сверху» Бога, Господина, Мужчины — больше не дает привилегий в познании, «только частичная перспектива обещает объективное видение»⁴⁸. Именно феминистская и женская позиция представляет собой «ограниченное положение и ситуативное знание», не претендующее на «трансценденцию и разделение субъекта и объекта»⁴⁹. Важно отличать эту частичную перспективу от так называемого релятивизма, поскольку релятивизм также осуществляет тотализирующее связывание, уравнивая различные позиции.

Принцип эпистемологического подобия в версии Харауэй выглядит следующим образом:

Субъективность многомерна, поэтому такое же и видение. Знание себя частично во всех своих обликах, никогда не закончено, не целое, простое и исходное; оно всегда сконструировано и не-

46. Там же. С. 330.

47. Там же. С. 331.

48. *Haraway D. Simians, Cyborgs, and Women*. P. 190.

49. *Ibidem*.

совершенно шито, и *поэтому* оно способно связаться с другим, видеть вместе, не претендуя быть другим⁵⁰.

Итак, эта частичная и ситуативная перспектива по принципу подобия способна адекватно познавать гетерогенных киборгов. Подобное частичное и нетотализирующее видение-движение можно также найти в фигуре муравья (*ant*), следующего за актерами частичными траекториями, в акторно-сетевой теории (*ANT*) Бруно Латура:

Нам, маленьким муравьям, не стоит поселяться ни в небесах, ни в преисподней — и на земле есть много такого, через что приходится прогрызать себе путь⁵¹.

В статье «Биополитика постмодерных тел: конституции „своего“ в дискурсе иммунной системы» Донна Харауэй обращает внимание на тело в контексте конструирования иммунных систем. Эта статья посвящена Роберту Филомено — другу Харауэй, который умер от СПИДа в 1986 году. Американский философ подчеркивает важность иммунологии для понимания того, как производятся тела в конце XX века:

Биомедицинское-биотехнологическое тело — это семиотическая система, комплексное смыслопорождающее поле, для которого дискурс иммунологии, то есть центральный биомедицинский дискурс о распознавании/нераспознавании (*recognition/misrecognition*), стал во многих смыслах практикой, на которую поставлено многое⁵².

Иммунная система представляет собой гетерогенный киборганический объект, состоящий из множества задействованных акторов, гетерогенное перечисление:

Иммунная система является исторически специфической территорией, где с интенсивностью, сравнимой, может быть, только с биополитикой секса и воспроизводства, взаимодействуют: глобальная и локальная политика; исследования, удостоенные Нобелевской премии; многоязычные культурные производства (от популярных диетических практик, феминистской научной

50. Ibid. P. 193.

51. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 196.

52. *Idem*. Simians, Cyborgs, and Women. P. 211 (здесь и далее перевод А.Г. Кузнецова).

фантастики, религиозного символизма и детских игр до фотографических техник и теории военной стратегии); клиническая медицинская практика; рискованные стратегии капиталовложения; революционные разработки в области бизнеса и технологии и глубинные личностные и коллективные переживания воплощения, уязвимости, власти и смертности⁵³.

Гетерогенный характер иммунной системы денатурирует телесность. Иммунная система не находится внутри тела, скорее она, частично отождествляясь с телом, является объектом «плоской онтологии» (*flat ontology*): компоненты тела сопоставлены и рядоположены, здесь отсутствует иерархия и господствующий дискурс типа «общества» или «культуры»⁵⁴. Развертывание иммунной системы в гетерогенное множество проблематизирует границы между внутренним и внешним, телом и окружающей средой.

Кроме того, Харауэй настаивает на том, что тела и иммунные системы — это конструкции: «тела не рождаются; их создают»⁵⁵. В то же время такая конструкция не может быть произвольной, это своего рода конструкция с сюрпризом. Иммунные системы находятся на пересечении субъективного воображения и материальных объектов, существующих по своим собственным законам. Для объяснения этой гибридности Харауэй предлагает понятие «материально-семиотического актора», определяя его так:

... имеет целью подчеркнуть активную роль объекта познания в аппарате телесного производства, *даже* не подразумевая непосредственного присутствия таких объектов или, что одно и то же, окончательной или уникальной детерминации ими того, что можно считать объективным знанием биомедицинского тела в определенный исторический момент. Тела как объекты познания являются материально-семиотическими порождающими узлами. Их границы материализуются в социальном взаимодействии; «объекты», так же как и тела, не пред-существуют как таковые⁵⁶.

При этом «предостережением от антропоморфизма», от произвольности субъекта-демиурга служит «фигура трикстера, говорящая о том, что мир также является не-человеческим, о том, что

53. Ibid. P. 204.

54. Delanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. L.; N.Y.: Continuum, 2002. P. 117.

55. Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women*. P. 208.

56. Ibidem.

не является нами, с чем мы спутаны»⁵⁷. Трикстер в мифологии является тем, кто может обернуться чем-то противоположным нашим ожиданиям, в этом смысле расчет и управление конструированием затруднены.

Харауэй ставит под вопрос главную границу в иммунологии — предзаданную границу между «своим» (*self*) и «чужим» (*other*). В одном из интервью она высказывалась об исследовании иммунологии:

Меня интересовали свое и чужое в смысле перспективистской проблемы. То, что считается своим и что считается чужим, — вопрос перспективы или вопрос цели. Внутри какого контекста и какие границы будут твердыми? Так, с точки зрения паразита хозяин рассматривается как часть себя; с точки зрения хозяина паразит выглядит как захватчик⁵⁸.

Вопрос о границе между своим и чужим — это, по сути, вопрос о границах человеческого тела и окружающей среды. Донна Харауэй анализирует изображения иммунной системы в научно-популярных фотоальбомах, посвященных человеческому телу, полученные с помощью электронного микроскопа и затем обработанные с помощью компьютерных программ. Микрофотографии создают эффект непосредственного присутствия. Подобные изображения, как считается, являются истинным свидетельством существования иммунных систем, так же как и снимки космоса для планет и галактик.

Сцены разрушений, роскошные текстуры, экспрессивные цвета и инопланетные монстры иммунного ландшафта просто *там*, внутри *нас*. Белый выступающий усик ложноножки макрофага опутывает бактерию; приплюснутые холмики хромосом расположились на голубоватом лунном ландшафте какой-то другой планеты; зараженная клетка испускает мириады смертельных вирусных частиц в просторы внутреннего космоса, где их жертвами станет еще большее количество клеток; разрушенная аутоиммунной болезнью головка бедренной кости словно лучами заходящего солнца освещает неживой мир; раковые клетки окружены смертоносными мобильными отрядами Т-клеток-убийц, которые забрасывают химическими ядами злокачественные предательские клетки своего⁵⁹.

57. *Idem*. How Like a Leaf. P. 66–67.

58. *Ibid*. P. 75.

59. *Idem*. Simians, Cyborgs, and Women. P. 222.

Внутри тела, если там есть какое-то «внутри», находится целый космос, отдельный мир, в котором происходит что-то помимо воли субъекта. В реальности, которая изображена на микрофотографиях, сложно провести какие-либо границы между своим и чужим:

Что конституируется в качестве индивида в постмодерном, биотехническом, биомедицинском дискурсе? Не так просто дать ответ на этот вопрос, поскольку даже самые надежные западные индивидуализированные тела, мыши и люди в хорошо оборудованных лабораториях не начинаются и не заканчиваются кожей, которая сама является чем-то вроде кишачих джунглей, угрожающих опасным слиянием, особенно с точки зрения сканирующего электронного микроскопа⁶⁰.

Донна Харауэй отказывается от классической модели разделения своего и чужого и переопределяет телесность как открытость в смысле Ницше: «Жизнь — это окно уязвимости. Было бы ошибкой закрыть его»⁶¹. В этом смысле киборганическая иммунная система не является чем-то отдельным, противостоящим миру:

Иммунитет можно осмыслить и в терминах совместно используемых специфичностей; в терминах полу-проницаемого «своего» (*self*), способного поддерживать контакты с «чужими» (*others*) (людьми и не-людьми, внутренними и внешними), но всегда с конечными результатами; в терминах ситуативных возможностей и невозможностей индивидуации и идентификации; а также в терминах частичных смешений и опасностей⁶².

Таким образом, исследования иммунологии Донной Харауэй позволяют сделать вывод, что иммунная система, с одной стороны, социальная конструкция, представляющая собой гетерогенное множество, а с другой — результат столкновения вообразяемого (семиотического) и материального.

Этнография иммунных систем в антропологии Эмили Мартин

Исследование иммунологии, начатое Харауэй, продолжает Эмили Мартин (р. 1944) — американский автор-феминист, профессор

60. Ibid. P. 215.

61. Ibid. P. 224.

62. Ibid. P. 225.

социально-культурной антропологии в Университете Нью-Йорка. Мартин начинала как этнолог, специализирующийся в синологии. Ее первые серьезные исследования были проведены на Тайване и в Китае и посвящены традиционной для антропологии тематике. В 1970-х и начале 1980-х годов выходят ее монографии «Культ мертвых в китайской деревне», «Китайский ритуал и политика»⁶³. Позднее антропологическое внимание Мартин переключилось на науку и медицину, в 1987 году вышла книга «Женщина в теле: культурный анализ репродукции»⁶⁴. В этой работе она на основе интервью с женщинами и анализа медицинских текстов исследует влияние культуры на представление женщин о своем теле как репродуктивной системе. Тема телесности в антропологии была продолжена в работе «Гибкие тела: роль иммунитета в американской культуре от дней полиомиелита до эпохи СПИДа», где изучаются представления об иммунитете в различных социальных группах, образы и метафоры иммунной системы⁶⁵. В 2007 году Эмили Мартин написала книгу, представляющую собой этнографическое исследование биполярной депрессии: «Биполярные экспедиции: мания и депрессия в американской культуре»⁶⁶.

В творчестве Мартин произошла важная трансформация — своего рода переключение антропологической оптики с внешнего колониального мира на внутренний, с тайванских деревень и систем родства на американские улицы, тела и иммунные системы. Сама Мартин объясняет внутреннюю колонизацию следующим образом: в студенческие годы профессия антрополога казалась ей и ее сокурсникам престижной и романтической одновременно, потому что давала возможность увидеть мир, особенно тем, кто был ограничен материальными условиями. Кроме того, в антропологии действовал «дисциплинарный императив»: необходимо было «отправиться в совершенно иное, экономически бедное, чужеземное место... чем дальше ты едешь, тем лучше и престижнее»⁶⁷.

63. *Ahern E. M.* The Cult of the Dead in a Chinese Village. Stanford: Stanford University Press, 1973; *Idem.* Chinese Ritual and Politics. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1981.

64. *Martin E.* The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction. Boston: Beacon Press, 1997. Первые две книги американского антрополога выходят под именем Эмили Мартин Ахерн.

65. *Idem.* Flexible Bodies.

66. *Idem.* Bipolar Expeditions: Mania and Depression in American Culture. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007.

67. *Kirschner S.* From Flexible Bodies to Fluid Minds: An Interview with Emily Martin // *Ethos*. 1999. Vol. 27. № 3. P. 249.

После этнографических экспедиций на Тайвань Мартин заинтересовалась темой женской репродуктивной системы, отчасти из-за того, что сама была беременна. Мартин не знала, с чего начать: если в традиционной антропологии надлежало просто отправиться куда подальше, то здесь нужно было придумать что-то иное. Нужно было совершить кросс-культурное перемещение не в физическом пространстве, а в социальном пространстве из-за закрытости данной темы в начале 1980-х годов. Мартин ходила на курсы для беременных, и в какой-то момент ее осенило, что здесь нужно делать то же, что она делала на Тайване: «...уделять пристальное внимание тому, о чем люди говорят, и находить это удивительным; этого будет достаточно, чтобы дать мне способ говорить о том, что близко к особенностям повседневной жизни»⁶⁸.

Что касается тела и иммунной системы, то этнографический метод позволяет Мартин выявлять альтернативы различных представлений о теле: «Современная этнография настраивает видение в контексте других способов, с помощью которых тело может быть вообразено, а общество организовано»⁶⁹. Помимо антропологии, на Мартин и ее исследование тела сильное влияние оказали Витгенштейн и Маркс. Витгенштейн и его прочтение Максом Блэком были важны своей концепцией языковых игр, которая предполагала необходимость акцента на языке (в том числе и на невербальном), на метафорах, призывала быть внимательным к множественной реальности и к тому, что и как говорят люди. Маркс и его прочтение Дэвидом Харви повлияли за счет концепции идеологии как ложного сознания. Мартин важно было также понять, «как власть перетекает между экономическими и политическими процессами большого масштаба и маленькими повседневными вещами»⁷⁰. Влияние Маркса предполагало выявление в процессе исследования тех или иных идеологических категорий в интерпретациях иммунной системы.

По сути дела, Эмили Мартин решает важную проблему *STS*, которую поставил Бруно Латур. В «Науке в действии» французский социолог пытался показать, каким образом создается научное знание с помощью тех или иных союзников. Латур следует за учеными, подробно рассказывая, как они собирают союзников в лабо-

68. Ibid. P. 252.

69. Martin E. Toward an Anthropology of Immunology: The Body as Nation State // Medical Anthropology Quarterly. 1990. Vol. 4. № 4. P. 422.

70. Kirschner S. Op. cit. P. 256.

раторию. Но важно также понимать, как знание переходит из лаборатории обратно в общество, как оно распространяется:

... все достижения ничего не стоят, если невозможно совершить *обратный перевод* сил, собранных в лагере ученых. Нужна еще и дополнительная работа. Если мы хотим дойти с учеными до самого конца, необходимо изучать и обратное движение от центра к периферии. И хотя эта часть пути столь же важна, как и две предшествующие, исследователи науки о ней обычно забывают в силу странного убеждения, что «наука и технологии» «универсальны»; в соответствии с этим представлением, как только теории или формы открыты, они сами собой, без всяких дополнительных усилий, распространяются повсеместно⁷¹.

Эту работу в «Гибких телах» в отношении иммунологии проводит Мартин. Она пытается ответить на вопрос: что происходит с иммунными системами за пределами лаборатории?

Следует отметить сильное влияние киборгического феминизма Донны Харауэй на антропологию иммунологии Эмили Мартин. Харауэй в интервью говорит о своем тексте «Биополитика» и влиянии его на Мартин: «Это была часть того, что она читала, и мы общались по поводу этих вещей»⁷². В свою очередь, Мартин ссылается на Харауэй, но нигде не говорит о влиянии или продолжении работы. Основные темы, рассмотренные в «Биополитике постмодерных тел», детализируются в «Гибких телах»: связь иммунной системы с телом и здоровьем, метафоры в иммунологии, визуализация иммунных систем.

Если Харауэй посвящает свою статью про иммунные системы своему другу Роберту Филомено, скончавшемуся от СПИДа, то Эмили Мартин начинает книгу с воспоминаний о своем младшем брате, который умер в 1951 году от полиомиелита. Подзаголовок книги «Роль иммунитета в американской культуре от дней полиомиелита до эпохи СПИДа» указывает на границы исследования и на эпидемии-триггеры, усиливающие интерес к иммунологии. Однако в 1940–1950-е годы в семьях и на улице еще не говорили об иммунных системах. Популярной парадигмой тогда была гигиена — «...считалось, что наиболее существенные угрозы здоровью находятся вне тела в окружающей среде»⁷³. Чистота, огра-

71. *Латур Б.* Наука в действии. С. 381.

72. *Haraway D.* How Like a Leaf. P. 74.

73. *Martin E.* Flexible Bodies. P. 22.

ничение контактов, профилактика и антисептические средства являлись составляющими этой гигиенической парадигмы.

Иммунная система становится популярной в «массовом воображении» только в конце 1980-х годов. В то время, когда

...синдром, который теперь мы называем СПИД, начал объясняться как дисфункция иммунной системы, сильно вырос научный и публичный интерес к тому, как иммунная система работает или перестает работать»⁷⁴.

Соответственно, тогда же растет количество изображений и описаний иммунной системы в научно-популярных и популярных изданиях. Появляются документальные фильмы, телепрограммы, книги для детей, иммунная система освещается во множестве журналов. В этом контексте Мартин подробно изучает обложки научно-популярных и ненаучных журналов и показывает, что подавляющее число изображений связано с милитаристской темой. Тело как бы находится на войне и противостоит внешней агрессии, противостоит разрушению со стороны враждебной среды. Война или сражение идет внутри тела, при этом само оно изображается в виде крепости или иных фортификационных сооружений. В подобных изображениях «граница между телом („своим“) и внешним миром („не-своим“) неизменна и абсолютна»⁷⁵. Сама иммунная система, ее работа зачастую изображаются иерархически — вокруг таких идентичностей, как раса, гендер, класс. На изображениях и в описаниях компоненты иммунной системы соподчиняются в соответствии с этими идентичностями. При объяснении аутоиммунных заболеваний, когда «проблема не во внешнем враге типа микроба, а во внутренних частях „своего“ (*self*), военная образность расширяется до „мятежа“, „саморазрушения“ и подобных вещей»⁷⁶.

После предварительного визуально-антропологического анализа Мартин переходит к этнографическому исследованию релевантных групп на предмет выявления их представлений об устройстве и работе иммунной системы. Американский антрополог и ее помощники провели серию интервью с представителями разных групп — с учеными, которые занимаются исследованием иммунной системы, со студентами, изучающими иммунологию, с различными представителями нетрадиционной медицины,

74. Ibid. P. 51.

75. Ibid. P. 53.

76. Ibid. P. 62.

больными СПИДом, жителями пригородов и районов Балтимора и Бостона. В итоге было проведено 225 интервью, среди опрошенных было 49% женщин и 51% мужчин, 73% евроамериканцев, 26% афроамериканцев, 1% американцев азиатского происхождения. Интервью с участниками программы помощи больным СПИДом проводились на условиях анонимности. У людей спрашивали, слышали ли они что-то об иммунной системе по радио, ТВ, читали ли об этом в газетах и журналах, и просили рассказать, как, на их взгляд, она работает, предлагали изобразить иммунную систему. Также спрашивали про диеты, физические упражнения, гены и СПИД. В некоторых случаях респондентам показывали обложки научно-популярных журналов или микрофотографии компонентов иммунной системы⁷⁷.

«Иммунология на улице» подтвердила и повторила, а также дополнила результаты предварительного визуально-антропологического исследования. Во-первых, многие респонденты говорили о том, что слышали или читали об иммунной системе в средствах массовой информации. Во-вторых, они подчеркивали милитаристский характер работы иммунной системы. Наконец, в-третьих, они постоянно указывали на то, что иммунная система находится *внутри* тела. Один из респондентов, Джек Морган, говорил:

Это что-то внутри вашего тела. Что-то внутри тела, что создается кровью. И у них есть много технических имен, я не знаю, но они помогают выстроить в вашем теле иммунитет к этим болезням⁷⁸.

Наличие этого «внутри» имплицитно указывает на границы тела и окружающей среды. Очевидно, что милитаристская метафора четко коррелирует с классической моделью иммунной системы различения своего и чужого, разработанной Бернетом. Респонденты изображали иммунную систему в виде сражения болезни и крови, или плохих и хороших клеток, тело — в виде крепости. При этом были и альтернативные варианты представлений о работе иммунной системы — поедание, танец или игра и «простое убеждение покинуть дом»⁷⁹.

Мартин считает, что на военную составляющую в представлениях об иммунной системе существенное влияние оказала холод-

77. Ibid. P. 263–265.

78. Ibid. P. 66.

79. Ibid. P. 70.

ная война, ее риторика и иконография⁸⁰. Интервьюеры просили прокомментировать милитаристские изображения, в частности, в журнале «Тайм», просили рефлексировать над причинами военного присутствия в популярной иммунологии. Не все интервьюируемые соглашались с такими агрессивными и деструктивными образами. Наиболее показательным в этом отношении является описание работы иммунной системы Верой Майклс — евроамериканкой, 30-летним юристом. Она сказала, что «там нет насилия» и описала иммунную систему через «приливы и отливы», изобразив ее в виде волн⁸¹. Изменение в иммунной системе означает смену фаз равновесия и неравновесия. Очевидно, что в такой «экологической» иммунной системе бессмысленно проводить границу между своим и не-своим.

При разговоре с представителями нетрадиционной медицины Мартин выяснила, что у них как раз преобладает подобное холистское описание тела и иммунной системы. Нетрадиционные терапевты отмечали:

... несоизмеримость того, что они делают и что биомедицина пытается делать: многие описывали «расщепление» (*split*), имеющее место в биомедицине между сознанием и телом. Идентификация микробов как причины определенных болезней вела к акценту на поиске чудесных лекарств. Что касается альтернативных специалистов, они основывались на «совершенно отличной точке зрения»: «холистской точке зрения», «целостной идее, согласно которой тело и сознание имеют некоторый род отношения и соединения» (Алан Броунер, гомеопат, доктор медицины)⁸².

В этой альтернативной оптике иммунная система — это не часть тела, а все тело, взаимодействующее с миром. Каждая клетка является частью иммунной системы, следовательно, массаж или иглоукалывание могут оказать существенное воздействие на пациента.

Противостояние милитаристской и холистской моделей обнаружилось и среди ученых, занимающихся исследованием иммунной системы. Подавляющее большинство ученых в разговорах так или иначе воспроизводили милитаристское описание, согласно модели разделения на свое и чужое. «Многие люди полагают, что этот образ не метафора, но то, „как есть“»⁸³. При этом в про-

80. Ibid. P. 71.

81. Ibid. P. 75–76.

82. Ibid. P. 83.

83. Ibid. P. 96.

цессе рефлексии по поводу изображений некоторые специалисты признавали ограниченность милитаристской модели и говорили, что специально используют ее, чтобы проще было объяснить суть проблемы пациентам. При этом Мартин указывает на то, что есть ученые, которые признают иные модели и альтернативную метафорику иммунной системы, инспирированные микробиологией или Нильсом Эрне. В итоге между СМИ, лабораторией, улицей и нетрадиционной медициной существует определенная корреляция: милитаристские метафоры преобладают в журналах, лабораториях и объяснениях простых людей, при этом им все же противостоит альтернативная холистская метафорика, особенно в нетрадиционной медицине.

Во многих интервью представители разных групп описывали работу иммунной системы как работу *сложной* системы, где действует множество компонентов, которая не является ригидной, а находится в динамике. Ключевым свойством сложной системы является «гибкость» (*flexibility*). Применительно к иммунной системе речь идет об антителах — «ключевых элементах в иммунологической карте тела, характеризующихся комбинацией гибкости и специфичности»⁸⁴. Мартин показывает, что понятия «гибкость» и «адаптивность» вообще характеризуют культуру 1990-х годов. Эти термины часто используются в экономике, организационной культуре, компьютерных технологиях, психологии и других дисциплинах. «Гибкость» — термин, который часто используется в различного рода корпоративных тренингах и образовательных программах, гибкость позволяет изменить себя, адаптироваться к новым организационным и экономическим условиям.

Риторика этой адаптивной «заботы о себе» обнаруживается в дискурсе иммунных систем, которые, как оказывается, также можно изменять и обучать. Мартин заметила, что люди, говоря об иммунной системе как о сложной системе, описывали ее работу через термины коммуникации:

В иммунологии, как она понимается в исследовательском контексте и как она представлена в популярных медиа, связи между частями системы часто описываются как линии коммуникации. В наших интервью люди (как ученые, так и не ученые) в общем рассматривали иммунную систему, которая связывается сообщениями, передающимися между ее частями. То, что определяет эту коммуникацию как эффективную, — такие вещи, как «узна-

84. Ibid. P. 150.

вание»/«неузнавание», «память»/«забвение» и «знание»/«незнание». Большую часть времени иммунная система «опознает» или «идентифицирует» вещи, несущие угрозу здоровью тела, и «знает», что делать в ответ⁸⁵.

Гибкость и коммуникация иммунной системы проявляются в ее способности обучаться. Она обучается через вакцинацию, подобно изменению личности через инокуляцию у Ницше:

Вакцина «вводит» новую информацию в простой (слабой) форме, которая заставляет иммунную систему «обучаться». <...> Многие люди слышали о рекомендации вакцинироваться повторно от кори и объясняли эту необходимость, говоря, что иммунная система могла забыть то, что узнала когда-то, и требует ввести заново нечто такое, что более не распознается⁸⁶.

Отсюда появляется идея, что можно различными способами тренировать свою иммунную систему. Эта идея функционирует в контексте образовательных тренингов и корпоративного обучения: выживание в сложном и меняющемся мире возможно только при гибкости и адаптивности субъекта⁸⁷.

Как и Харауэй, Эмили Мартин анализирует микрофотографии иммунной системы, сделанные с помощью электронного микроскопа. Без них сложно представить существование иммунной системы. Микрофотографии являются результатом работы большого количества действующих лиц: электронного микроскопа, дизайнеров, программного обеспечения, индустрии печати и т. д. По идее, демонстрации подобных изображений должны прекращать разногласия, являясь свидетельством реального существования иммунной системы: «...фотографии, особенно электронные микрофотографии, используются для того, чтобы достичь завершения в научных спорах»⁸⁸.

Мартин показывала микрофотографии респондентам во время интервью и просила сказать, что они думают по их поводу, на что они похожи, с чем ассоциируются и т. д. В этих вопросах противопоставляется научная рациональность и «интерпретации, созда-

85. Ibid. P. 194.

86. Ibid. P. 198.

87. Рассуждение Эмили Мартин о гибкости коррелирует с описанием проектно-ориентированного града Люком Болтански и Эв Кьяпелло в «Новом духе капитализма» (Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011).

88. *Idem*. Flexible Bodies. P. 168.

ваемые с помощью воображения (*imaginatively produced interpretation*)». Наиболее распространенной реакцией людей на микрофотографии было удивление: им сложно было связать красочные изображения неких существностей со своим телом, с тем, что это происходит «внутри»:

На самом деле мне трудно представить эти вещи в моем теле. Я имею в виду, что я уверен, что они там, но, знаете, видеть их такими, такими большими — это действительно страшно. <...> Я имею в виду, что я не могу реально связать эти вещи с тем, что внутри моего тела⁸⁹.

Респонденты предложили Мартин и ее помощникам множество интерпретаций и образов микрофотографий: то, что на них изображено, похоже на морское дно, космические ландшафты, пустыню и др.

Визуально-антропологические эксперименты показали, что микрофотографии не связаны с представлениями людей о своем теле, они деконтекстуализированы, то есть находятся вне контекста повседневного опыта тела⁹⁰. В разговоре с Джоном Марселлинио, лидером бедной общины, выяснилось, что микрофотографии не связаны с опытом телесности людей, они не рассказывают о боли и самочувствии, об их жизни и смерти:

У меня люди были, которые от рака умерли. Я полагаю, я больше имею отношению к тому, что они чувствовали, к части их жизни, к тому, как они готовились умереть, чем к тому, что я думаю, что происходит с этой болезнью в вашем или в их теле. Понимаете? Я не знаю, имеет ли это смысл, но как эти вещи работают, это действительно интересно, но вообще не важно. Понимаете, что я имею в виду?⁹¹

Таким образом, Эмили Мартин указывает на рассогласование между двумя телами — экзистенциальным телом боли и страдания и телом биологической науки. Кроме того, микрофотографии после лаборатории (а они в большинстве своем встречаются в глянцевого журналов и фотоальбомах) не прекращают споры об иммунной системе, а, наоборот, усиливают контрверзу между лабораторией и культурой.

89. Ibid. P. 173.

90. Ibid. P. 179.

91. Ibid. P. 181.

Заключение

Если для Харауэй тело — это составной объект, включающий в себя как значения, так и материальность, которая при этом ведет себя непредсказуемо, то для Мартин, судя по всему, речь идет только об интерпретациях тела: «Я описываю, как появляющаяся сущность, иммунная система, рассматривается с различных точек зрения в нашем обществе»⁹². Мартин, в общем, не интересуется, существует ли материальное тело (реальность как сопротивление) за пределами интерпретаций различных групп. Американский антрополог только намекает на рассогласование опыта смерти и биологического описания своего (*self*) при этнографическом исследовании микрофотографий, но не развивает эту идею дальше. Однако в творчестве Мартин все же есть намеки на множественную реальность тела.

В статье 1992 года «Конец тела?» Мартин предположила, что «мы видим не конец тела, но скорее конец одного типа тела и начало другого типа тела»⁹³. В этой работе противопоставляется отживающее фордистское тело, связанное с порядком фабричного производства с централизованным контролем, и гибкое тело позднего капитализма, описанное в иммунологии. Позже, в книге 1994 года «Гибкие тела», речь идет об одновременном существовании и конкуренции как минимум двух тел — милитаристского, противостоящего окружающей среде, и холистского, включенного в космический порядок.

Как же соотносятся тело и иммунная система в иммунологии? Говоря «иммунология», следует подразумевать не только лабораторию, клинику и учебную аудиторию, но также множество других мест и групп. Конструирование иммунной системы не прекращается в лаборатории и клинике, а продолжается в других местах другими средствами. Иммунные системы поддерживаются, смещаются, дополняются и собираются заново на улицах и в квартирах, в транспорте и офисах и университетах. При этом отношения тела и иммунной системы являются ситуативными: иммунная система то полностью отождествляется с телом, то является его частью. В этом смысле этнография иммунных систем Эмили Мартин и феминистская антропология Донны Харауэй позволяет сделать очень важный вывод. С одной стороны, иммунная система в объяснениях ученых и неученых людей то сопоставляется

92. Ibid. P. 47.

93. *Idem*. The End of the Body? // American Ethnologist. 1992. Vol. 19. № 1. P. 121.

и совпадает с телом и даже личностью (*self*), соответственно, к ней применимы масштаб, понятия, законы и метафоры мира повседневности. Иммунная система и иммунитет оцениваются в терминах физиологического тела и личности: например, иммунную систему можно тренировать. С другой стороны, тело как биологическое «свое» (*self*) является оторванным от физиологического и социального тела, в некотором смысле «живет своей жизнью». Таким образом, очевидно, что наше тело — это результат сложной работы координации разных тел: физиологического, отождествляемого с личностью, и тела иного масштаба — биологического «своего» (*self*), которое оказывается «чужим» (*non-self*) и не принадлежащим субъекту. В дальнейшем следует выяснить, какая работа проводится, чтобы соотнести эти разные иммунные системы в «одно» тело. В этом смысле существование человека осциллирует как минимум между двумя возможностями, между своим и чужим телом.

Нетривиальные подходы к исследованию тела — иммунной системы, реализованные Донной Харауэй и Эмили Мартин, позволяют решить ряд проблем, связанных с пониманием тела в социальных науках. Долгое время интерес к телу определялся двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, тело было фигурой умолчания, его изгоняли, подчиняли разуму, предпочитали не замечать. С другой стороны, оно всегда присутствовало в действиях, мыслях и словах; речь идет об «отсутствующем присутствии» тела, которое имеет «тайную историю»⁹⁴. Интерес к различным аспектам телесности значительно возрастает во второй половине XX века. Рост связан с теми технологическими изменениями тела, которые в первую очередь происходили в биомедицине. Новые способы диагностики и визуализации, вспомогательные репродуктивные технологии, имплантация и протезирование, пересадка органов и другие новшества заставляли исследователей проблематизировать тело, его статус и границы.

В социальных науках важное место занимают две похожие схемы телесности — модель воплощения и дисциплинарная модель. В первой модели, берущей начало от «Техник тела» Марселя Мосса и используемой, например, Пьером Бурдьё в связи с понятием габитуса и Ирвингом Гофманом в исследовании стигматизации, тело является носителем социальных смыслов и значений,

94. *Shilling Ch. The Body and Social Theory*. 2nd ed. L.: SAGE, 2003; Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // *Thesis*. 1994. № 6. С. 137–167.

экраном *sui generis*, на котором проявляется или отпечатывается социальное. Во второй модели, разработанной Мишелем Фуко, тело считается объектом приложения Власти, какую бы форму она ни имела. В том или ином виде дисциплинарная модель присутствует у Адорно и Хоркхаймера в идее подавления телесного, а также у Норберта Элиаса в концепции цивилизации.

В этих широко распространенных моделях нерешенными остаются как минимум две проблемы. Во-первых, практически не уделяется внимания вещам, материальному и технологиям, которые как раз радикально изменяют тело. Во-вторых, социальное или власть видятся предзаданными телу и стабилизированными сущностями. В этом смысле они не считаются проблематичными, в то время как общество и власть — это предметы постоянных дебатов об их сущности и способах существования.

Соответственно, в исследованиях науки и технологии и, в частности, в социальных исследованиях иммунологии Донны Харауэй и Эмили Мартин, как было показано, во-первых, делается аспект на роли технологии и ее влиянии на тело, а во-вторых, не предлагается онтологического редукционизма, в котором социальное, материальное, биологическое или иной порядок определяли бы телесность. В этом смысле идеи конструкции, гетерогенности и множественной реальности позволяют, с одной стороны, учитывать гибридность тела, состоящего из компонентов, принадлежащих к разным онтологическим порядкам, а с другой — позволяют избежать одностороннего редукционизма в понимании технологизированного тела.

Библиография

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // *Логос*. 2017. Т. 27. № 2. С. 49–94.
- Коэн Э. Мое свое как чужое: аутоиммунитет и иные парадоксы // *Социология власти*. 2014. № 4. С. 182–197.
- Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки // *Метаморфозы телесности* / Под ред. И. В. Кузина. СПб.: РХГА, 2015. С. 250–287.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: ЕУСПб, 2013.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Локк Дж. Два трактата о правлении // *Соч.*: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
- Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

- Маргелис Л. Роль симбиоза в эволюции клетки. М.: Мир, 1983.
- Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
- Ницше Ф. Веселая наука // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
- Ницше Ф. Изречения и стрелы // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
- Сивков Д. Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна // Социология власти. 2014. № 4. С. 174–181.
- Слотердаjk П. Сферы. СПб.: Наука, 2005. Т. 1: Пузыри.
- Слотердаjk П. Сферы. СПб.: Наука, 2007. Т. 2: Глобусы.
- Слотердаjk П. Сферы. СПб.: Наука, 2010. Т. 3: Пена.
- Слотердаjk П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть: диалогические исследования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
- Спиноза Б. Этика // Соч.: В 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1.
- Тёрнер Б. Современные направления развития теории тела // Thesis. 1994. № 6. С. 137–167.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х годов // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: Росспэн, 2005. С. 322–377.
- Ahern E. M. *Bipolar Expeditions: Mania and Depression in American Culture*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2007.
- Ahern E. M. *Chinese Ritual and Politics*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1981.
- Ahern E. M. *The Cult of the Dead in a Chinese Village*. Stanford: Stanford University Press, 1973.
- Anderson W., Mackay I. *Intolerant Bodies: A Short History of Autoimmunity*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2014.
- Cohen E. *A Body Worth Defending: Immunity, Biopolitics, and the Apotheosis of the Modern Body*. Durham; L.: Duke University Press, 2009.
- De Cauwer S. Robert Musil's Cultural Diagnostics in the Light of Nietzschean Immunology // *Neophilologus*. 2012. № 96. P. 411–425.
- Delanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. L.; N.Y.: Continuum, 2002.
- Derrida J. Autoimmunity: Real and Symbolic Suicide: A Dialogue with Jacques Derrida // Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2004. P. 85–136.
- Esposito R. *BIOS: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2008.
- Esposito R. *Immunitas: The Protection and Negation of Life*. Cambridge: Polity, 2011.
- Esposito R., Campbell T. Interview // *Diacritics*. 2006. № 2. P. 49–56.
- Hacking I. Our Neo-Cartesian Bodies in Parts // *Critical Inquiry*. 2007. № 34. P. 78–105.
- Haraway D. *Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors of Organicism in Twentieth-Century Developmental Biology*. L.; New Haven: Yale University Press, 1976.
- Haraway D. *How Like a Leaf: An Interview with Thyrza Nichols Goodeve*. N.Y.; L.: Routledge, 2000.
- Haraway D. *Primate Vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*. L.; N.Y.: Routledge, 1989.

- Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. N.Y.: Routledge, 1991.
- Kirschner S. *From Flexible Bodies to Fluid Minds: An Interview with Emily Martin* // *Ethos*. 1999. Vol. 27. № 3. P. 247–282.
- Latour B. *Body, Cyborgs and Politics of Incarnation* // *The Body (The Darwin College Lectures)* / S. Sweeny, I. Hodder (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 127–141.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Lemm V. *Nietzsche, Einverleibung and the Politics of Immunity* // *International Journal of Philosophical Studies*. 2013. Vol. 21. P. 3–19.
- Martin E. *Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture from the Days of Polio to the Age of AIDS*. Boston: Beacon Press, 1994.
- Martin E. *The End of the Body?* // *American Ethnologist*. 1992. Vol. 19. № 1. P. 121–140.
- Martin E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston: Beacon Press, 1997.
- Martin E. *Toward an Anthropology of Immunology: The Body as Nation State* // *Medical Anthropology Quarterly*. 1990. Vol. 4. № 4. P. 410–426.
- Moulin A.-M. *Immune System: A Key Concept for the History of Immunology* // *History and Philosophy of the Life Sciences*. 1989. Vol. 11. № 2. P. 221–236.
- Napier D. *The Age of Immunology: Conceiving a Future of an Alienating World*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2003.
- Pinch T., Bijker W. *The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other* // *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* / W.E. Bijker, T.P. Hughes, T. Pinch (eds). Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 2012. P. 11–44.
- Pradeu T. *The Limits of the Self: Immunology and Biological Identity*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2012.
- Roth J. *The Logistics of Roman Army at War: 264 B.C. — A.D. 235*. N.Y.: Brill Academic Publishers, 1999.
- Shilling Ch. *The Body and Social Theory*. 2nd ed. L.: SAGE, 2003.
- Silverstein A. *A History of Immunology*. 2nd ed. L.; N.Y.: Elsevier, 2009.
- Tauber A. *A Typology of Nietzsche's Biology* // *Biology and Philosophy*. 1994. № 9. P. 25–44.
- Tauber A. *The Immune Self: Theory or Metaphor?* Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Thompson Ch. *Making Parents. The Ontological Choreography of Reproductive Technologies*. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 2005.
- Welles C. B. *The Immunitas of the Roman Legionaries in Egypt* // *The Journal of Roman Studies*. 1938. № 28. P. 41–49.

SELF OR NON-SELF? CONSTRUCTING THE BODY IN IMMUNOLOGY

DENIS SIVKOV. Associated Professor, Department of Theoretical Sociology and Epistemology, School of Public Policy, d.y.sivkov@gmail.com.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo ave., 119571 Moscow, Russia.

Keywords: body; immunology; immunity; immune system; heterogeneity; construction; multiply reality; science and technology studies; Donna Haraway; Emily Martin.

The article focusses on how the body is constructed for immunology. Specifically, the complex and tangled bio-political genealogy of immunity is analysed in detail as the understanding of it hovers between social and biological discourses. In addition, the controversy between different models of the immune system is examined. The social studies of immunology conducted by Donna Haraway and Emily Martin are also highlighted. In these studies, the body-immune system is understood as a diversified heterogeneous construction consisting of components belonging to different ontological orders. The construction of the immune system does not end in the laboratory or in the clinic. It continues in other places by other means. Nevertheless, the relationship between the body and the immune system is situational: the immune system could be completely identified with the body or be a part of it.

Emily Martin's ethnography of immune systems and Donna Haraway's feminist anthropology provide the means for understanding how the immune system, as both academics and non-academics explain it, can be juxtaposed to and also coincide with the body and even the self, but nevertheless conform to the scale, concepts, laws and metaphors of the social world of everyday life. The immune system and immunity are assessed in terms of the physiological body and the self. On the other hand, the body as a biological "self" is abstracted from the physiological and social body, and in a sense it "lives a life of its own." Therefore, our body is the outcome of a complex coordinating effort among different bodies: the physiological body, the one identified with the self, and the body on a different scale - the biological "self" which turns out to be "non-self" and not belong to the subject.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-249-282

References

- Ahern E. M. *Bipolar Expeditions: Mania and Depression in American Culture*, Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2007.
- Ahern E. M. *Chinese Ritual and Politics*, Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1981.
- Ahern E. M. *The Cult of the Dead in a Chinese Village*, Stanford, Stanford University Press, 1973.
- Anderson W., Mackay I. *Intolerant Bodies: A Short History of Autoimmunity*, Baltimore, John Hopkins University Press, 2014.
- Boltanski L., Chiapello E. *Novyi dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme], Moscow, New Literary Observer, 2011.
- Callon M. Nekotorye elementy sotsiologii perevoda: priruchenie morskich grebeshkov i rybolovov bukhty Sen-Brie [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2017, vol. 27, no. 2, pp. 49–94.

- Cohen E. *A Body Worth Defending: Immunity, Biopolitics, and the Apotheosis of the Modern Body*, Durham, London, Duke University Press, 2009.
- Cohen E. Moe svoe kak chuzhoe: autoimmunitet i nye paradoksy [My Self as an Other: on Autoimmunity and “Other” Paradoxes]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 4, pp. 182–197.
- De Cauwer S. Robert Musil’s Cultural Diagnostics in the Light of Nietzschean Immunology. *Neophilologus*, 2012, no. 96, pp. 411–425.
- DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*, London, New York, Continuum, 2002.
- Derrida J. Autoimmunity: Real and Symbolic Suicide: A Dialogue with Jacques Derrida. In: Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida*, Chicago, London, University of Chicago Press, 2004, pp. 85–136.
- Esposito R. *BIOS: Biopolitics and Philosophy*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2008.
- Esposito R. *Immunitas: The Protection and Negation of Life*, Cambridge, Polity, 2011.
- Esposito R., Campbell T. Interview. *Diacritics*, 2006, no. 2, pp. 49–56.
- Hacking I. Our Neo-Cartesian Bodies in Parts. *Critical Inquiry*, 2007, no. 34, pp. 78–105.
- Haraway D. *Crystals, Fabrics, and Fields: Metaphors of Organicism in Twentieth-Century Developmental Biology*, London, New Haven, Yale University Press, 1976.
- Haraway D. *How Like a Leaf: An Interview with Thyrza Nichols Goodeve*, New York, London, Routledge, 2000.
- Haraway D. Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh godov [A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. *Gendernaia teoriia i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000* [Gender Theory and Art. Anthology: 1970–2000], Moscow, Rosspen, 2005, pp. 322–377.
- Haraway D. *Primate Vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, London, New York, Routledge, 1989.
- Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*, New York, Routledge, 1991.
- Hobbes Th. *Leviathan* [Leviathan], Moscow, Mysl’, 2001.
- Kirschner S. From Flexible Bodies to Fluid Minds: An Interview with Emily Martin. *Ethos*, 1999, vol. 27, no. 3, pp. 247–282.
- Latour B. Body, Cyborgs and Politics of Incarnation. *The Body (The Darwin College Lectures)* (eds S. Sweeney, I. Hodder), Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 127–141.
- Latour B. Kak govorit’ o tele? Normativnoe izmerenie issledovaniia nauki [How to Talk About the Body? The Normative Dimension of Science Studies]. *Metamorfozy telesnosti* [Metamorphoses of Embodiment] (ed. I. V. Kuzin), Saint Petersburg, RKhGA, 2015, pp. 250–287.
- Latour B. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg, European University at St Petersburg, 2013.
- Latour B. *Peresborka sotsial’nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriuu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, HSE, 2014.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton, Princeton University Press, 1986.

- Lemm V. Nietzsche, Einverleibung and the Politics of Immunity. *International Journal of Philosophical Studies*, 2013, vol. 21, pp. 3–19.
- Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises on Government]. *Soch.: V 3 tt.* [Works: In 3 vols], Moscow, Mysl', 1988, vol. 3.
- Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy: Ocherk obshchei teorii* [Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie], Saint Petersburg, Nauka, 2007.
- Margulis L. Rol' simbioza v evoliutsii kletki [Symbiosis in Cell Evolution], Moscow, Mir, 1983.
- Martin E. *Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture from the Days of Polio to the Age of AIDS*, Boston, Beacon Press, 1994.
- Martin E. The End of the Body? *American Ethnologist*, 1992, vol. 19, no. 1, pp. 121–140.
- Martin E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*, Boston, Beacon Press, 1997.
- Martin E. Toward an Anthropology of Immunology: The Body as Nation State. *Medical Anthropology Quarterly*, 1990, vol. 4, no. 4, pp. 410–426.
- Mol A. *Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], Perm, Hyle Press, 2017.
- Moulin A.-M. Immune System: A Key Concept for the History of Immunology. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 1989, vol. 11, no. 2, pp. 221–236.
- Napier D. *The Age of Immunology: Conceiving a Future of an Alienating World*, Chicago, London, The University of Chicago Press, 2003.
- Nietzsche F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe [Menschliches, Allzu Menschliches]. *Soch.: V 2 tt.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 1.
- Nietzsche F. Izrecheniia i strely [Sprüche und Pfeile]. *Soch.: V 2 tt.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 2.
- Nietzsche F. Veselaia nauka [Die fröhliche Wissenschaft]. *Soch.: V 2 tt.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1990, vol. 1.
- Pinch T., Bijker W. The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other. *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology* (eds W.E. Bijker, T.P. Hughes, T. Pinch), Cambridge, MA, London, The MIT Press, 2012, pp. 11–44.
- Pradeu T. *The Limits of the Self: Immunology and Biological Identity*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2012.
- Roth J. *The Logistics of Roman Army at War: 264 B.C. — A.D. 235*, New York, Brill Academic Publishers, 1999.
- Shilling Ch. *The Body and Social Theory*, 2nd ed., London, SAGE, 2003.
- Silverstein A. *A History of Immunology*, 2nd ed., London, New York, Elsevier, 2009.
- Sivkov D. Paradoksy autoimmuniteta. Predislovie k perevodu Eda Koena [Paradoxes of Autoimmunity. Preview to translation of Ed Cohen]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 4, pp. 174–181.
- Sloterdijk P. *Sfery* [Sphären], Saint Petersburg, Nauka, 2005, vol. 1: Puzyri [Blasen].
- Sloterdijk P. *Sfery* [Sphären], Saint Petersburg, Nauka, 2007, vol. 2: Globusy [Globen].
- Sloterdijk P. *Sfery* [Sphären], Saint Petersburg, Nauka, 2010, vol. 3: Pena [Schäume].
- Sloterdijk P., Heinrichs H.-J. *Solntse i smert': dialogicheskie issledovaniia* [Die Sonne und der Tod: Dialogische Untersuchungen], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2015.
- Spinoza B. *Etika* [Ethica]. *Soch.: V 2 tt.* [Works: In 2 vols], Saint Petersburg, Nauka, 1999, vol. 1.

- Tauber A. A Typology of Nietzsche's Biology. *Biology and Philosophy*, 1994, no. 9, pp. 25-44.
- Tauber A. *The Immune Self: Theory or Metaphor?* Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Thompson Ch. *Making Parents. The Ontological Choreography of Reproductive Technologies*, Cambridge, MA, London, The MIT Press, 2005.
- Turner B. Sovremennye napravleniia razvitiia teorii tela [Recent Developments in the Theory of the Body]. *Thesis*, 1994, no. 6, pp. 137-167.
- Welles C. B. The Immunitas of the Roman Legionaries in Egypt. *The Journal of Roman Studies*, 1938, no. 28, pp. 41-49.